

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ
КАК ФАКТОР ЯЗЫКОВОГО
И ЛИТЕРАТУРНОГО
РАЗВИТИЯ**

Материалы Международной конференции «Священное Писание
как фактор языкового и литературного развития
(в ареале авраамических религий)».
Санкт-Петербург. 30 июня 2009 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

УДК 82(091)

ББК 72.1

Священное Писание как фактор языкового и литературного развития:
Материалы Международной конференции «Священное Писание как фактор языкового и литературного развития (в ареале авраамических религий)». Санкт-Петербург. 30 июня 2009 г. / Отв. ред. Е. Н. Мещерская. — СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. — 336 с., ил.

ISBN 978-5-86007-678-5

Сборник содержит изложение докладов, прочитанных на Международной конференции «Священное Писание как фактор языкового и литературного развития (в ареале авраамических религий)», состоявшейся в Санкт-Петербурге в июне 2009 г. В конференции приняли участие ученые из разных стран и городов — Австрии (Вена), Болгарии (София), Германии (Бонн, Вюрцбург, Мюнстер), Италии (Флоренция), Нидерландов (Амстердам), Польши (Лодзь), России (Калуга, Москва, Санкт-Петербург), Сербии (Белград), США (Юджин).

Издание предназначено историкам, филологам, искусствоведам, специалистам по древней и средневековой культуре.

Ответственный редактор *Е. Н. Мещерская*

Подписано в печать 25.08.2011.

Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура Minion Pro.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 21. Уч.-изд. л. 17,4.

Тираж 700. Заказ № 3810.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие

«Искусство России»

198099, С.-Петербург, Промышленная ул., д. 38, корп. 2

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

По вопросу разрешения и приобретения неисключительного права обращаться в редакцию издательства по e-mail: redaktor@dbulandin.ru.

ISBN 978-5-86007-678-5

© Коллектив авторов, 2011

© А. П. Бакланова, 2011 — обложка

© Издательство «Дмитрий Буланин», 2011

А. В. Немировская

ЗАКОН И ИСТОРИЯ В МЕСОПОТАМСКОЙ И БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Представления о законе и представления об истории — это области в высшей степени разноплановые. Законодательство — сфера рациональная и умопостигаемая; историософия — вопрос абстрактный и умозрительный. Письменные источники по древневосточному и библейскому законодательству хорошо известны; теоретических же сочинений, в том числе историософского характера, ни древняя Месопотамия, ни Библия не знают. Статья посвящена одновременному рассмотрению двух составляющих Пятикнижия — концепции закона и концепции истории — в сопоставлении с месопотамским фундаментом, на котором они основаны. Поиску корней библейских концепций в предшествующих традициях посвящено, разумеется, немалое число статей и монографий. Из месопотамского материала я привлекаю лишь наиболее известные примеры.

В настоящее время библеистика рассматривает Пятикнижие как результат виртуозного компромисса между двумя богословскими течениями в иудейской среде в середине I тыс. до н. э., а именно: жреческим (теократическим) и девтерономическим (эсхатологическим). Целью этой компромиссной компиляции было сохранение самоидентичности еврейской общины в переломную эпоху Вавилонского плена, когда была утрачена государственность и прекратилось отправление культа в Иерусалимском храме. В целом, Пятикнижие складывается, по-видимому, в VII—IV вв. до н. э. как реакция и осмысление исторической катастрофы, постигшей сначала в

VIII в. до н. э. Северное царство (Израиль), а через 136 лет в VI в. до н. э. и Южное царство (Иудею).

Выдающемуся немецкому библеисту первой половины и середины XX в. М. Ноту (1902—1968) принадлежит концепция *девторономической истории*, то есть единого исторического сочинения, пронизанного общими идеями (одна из них, например, — концепция священной войны) и охватывающего библейские книги от Кн. Второзакония до 2-й Кн. Царей (= 4-я Кн. Царств). Анонимного автора этого цикла условно называют Девтеронимистом (по первой и центральной книге этого цикла: Deuteronomium, т. е. Кн. Второзакония)¹.

Согласно Т. Рёмеру, развившему концепцию М. Нота, девтеронимическая история складывалась в три этапа, которые естественным образом совпали с тремя историческими эпохами, судьбоносными для истории всего древнего Ближнего Востока (далее: ДБВ) I тыс. до н. э.: новоассирийской, нововавилонской и древнеперсидской. Итак, вопрос о путях месопотамского (или, образно говоря, — вавилонского) влияния на Пятикнижие — вопрос, когда-то представлявшийся крайне интригующим, в настоящее время таковым уже являться, по всей видимости, не должен.

Первым четырьмя книгам Пятикнижия Девтеронимический исторический цикл придаёт характер исторического целого. Важнейшая богословская тема автора Второзакония, систематизировавшего многочисленные и разнообразные традиции, — это развитие концепции завета и придание этой концепции законченной формы. А стало быть, и историческая канва Пятикнижия — это повествование о последовательности заветов, заключаемых Богом: от договора Бога с человеком (в лице Адама), далее — с отдельно взятым избранным праведником (от Ноя до Авраама, Исаака и Иакова) и, наконец, к договору, заключенному с избранным народом (сыновьями / потомками Израйля).

Один из крупнейших современных исследователей богословия Ветхого Завета Э. Ценгер емко именует Пятикнижие «Учением об истории и законе», отмечая, что «напряжение между историей и законом <...> формирует макроструктуру Пятикнижия / Торы». Он пишет: «Если подсчитать в Пятикнижии распределение „истории“ и „закона“ по главам, то мы получим приблизительное соотноше-

ние 1:1 <...> Пятикнижие имеет диалектическую структуру истории и закона. „Закон“ всякий раз вырастает из „истории“². Ярчайшим примером синтеза истории и закона, представляющего собой «сочетание деяний и воли Бога», служит, конечно же, композиция Декалога: провозглашение Закона помещается в контекст символической истории исхода Израиля из Египта и освобождения от рабства. «„Закон“ обретает свой смысл через историю. Только тот, кто не забывает Исход из Египта, знает, что закон означает свободу, и только он в состоянии его исполнять», — цитирует Э. Центер Й. Ассмана³.

Неудивительно, что среди многочисленных месопотамско-библейских параллелей наиболее очевидными как раз и оказываются, с одной стороны, своды законов, а с другой стороны — сюжет, играющий важнейшую роль в библейском сценарии истории, равно как и занимающий не последнее место в месопотамской традиции понимания истории, а именно: *Великий Потоп*.

Концепция закона. В качестве квинтэссенции принципа высшей, божественной справедливости в Пятикнижии выступает так называемый принцип талиона (от лат. *talio* ‘тождественность’), подразумевающий наказание в виде увечья, в точности соответствующего причиненному тяжкому телесному повреждению. Заметим, что речь идет о неизлечимых, невосполнимых повреждениях, поэтому не должно удивлять, что в один ряд с поврежденным глазом или конечностью ставится выбитый зуб.

Иллюстрируется принцип талиона, как правило, хрестоматийным афористическим выражением «око за око, зуб за зуб», содержащимся во всех трех больших корпусах законов Пятикнижия: в «Книге Завета» (Кн. Исход), в «Кодексе святости» (Кн. Левит) и в «Девтеронимическом кодексе» (Кн. Второзаконие).⁴

Латинский термин *jus / lex talionis* ‘право / закон тождественности (возмездия)’ восходит к архаическому римскому законодательному своду V в. до н. э., известному как «Законы XII Таблиц», который, по мнению крупнейшего специалиста по древнему праву, Раймонда Вестбрука (1946—2009), тесно связан с правовой традицией ДВВ.

Интересующее нас законодательное положение гласит: VIII, 2—4 *si membrum rup(s)it, ni cum eo pacit, talio esto* «Если (он) разбил член

(часть тела) и не помирился (т. е. не договорился. — А. Н.), должно быть тождественное». За этим теоретическим положением следует реестр денежных компенсаций в духе древневосточных законодательств. Так, за разбитую кость свободного можно было потребовать 300 ассов,⁵ если это был раб — вдвое меньше (150 ассов), за обиду *iniuria* (предположительно пощёчину) — 25 ассов. Таковы истоки термина «талион», получившего широкое распространение в научной литературе, посвященной законодательству именно ДБВ.

Сфер правонарушений, в связи с которыми Библия применяет так называемую талионовскую формулу «око за око, зуб за зуб» и которые хорошо известны по многочисленным древним клинописным законодательствам III—II тыс. до н. э., три.

I. Повреждение частей тела.⁶

II. Причинение выкидыша (наступление у травмированной женщины преждевременных родов)⁷.

III. Лжесвидетельство либо недоказанное обвинение⁸.

Правовая традиция ДБВ с ее явно практическим назначением в Пятикнижии трансформировалась в право божественное. Но трансформация эта произошла, разумеется, не на пустом месте. Обратимся к самому прославленному памятнику клинописного законодательства — к тексту стелы с Законами Хаммурапи (далее: ЗХ), который состоит из трех частей: пролога, статей законов и эпилога. Из пролога и эпилога явствует, что царь Хаммурапи устанавливает законы не сам по себе, а будучи призванным верховными богами, включая главного бога Вавилона Мардука, с целью утвердить во вверенной ему стране справедливость, «дабы сильному не притеснять слабого; (дабы) справедливо обращаться с сиротой и вдовой».⁹

Пролог начинается поистине в духе космогонических месопотамских текстов, напрямую связывая царствование Хаммурапи с верховным богом неба Ану, стоящим у истоков миропорядка: «Когда верховный Ану, царь сонма богов, Энлиль, господин неба-и-земли <...> возвысили над верховными богами Мардука, которому Эа определил владычество над всеми людьми, (и) дали верховное имя Вавилону <...>, тогда мое имя, Хаммурапи, правителя почтительного, богобоязненного, для осуществления в стране справедли-

вости <...> (они) назвали». Этот зачин, безусловно, не случайно созвучен космогоническим вступлениям, характерным ещё для шумерских эпических текстов. Приведу два примера.

Поэма «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство»:

...Когда небеса от земли отделились, вот когда,
 Когда земля от небес отодвинулась, вот когда,
 Когда имя человека установилось, вот когда
 Когда Ан себе небо унёс, вот когда,
 А Энлиль себе землю забрал, вот когда...¹⁰

Эпическое сказание о Зиусудре (нишпурское сказание о потопе):

...Когда Ан, Энлиль, Энки и Нинхурсага
 Черноголовых сотворили,
 Четвероногие твари множились,
 Четвероногие, многие, всякие, подобающие там расселены были.¹¹

Вторая фраза пролога, непосредственно предвещающая законодательную часть и опять-таки имеющая упомянутое «космогоническое» построение (когда... тогда...), гласит: «Когда Мардук поручил мне справедливо управлять народом, научить страну правилам, я вложил в уста страны истину и справедливость, сделал народ благополучным, тогда...».¹² Далее следуют законодательная часть, вводимая наречием *inūtišu* ('именно, как раз) тогда'.

Библейская трансформация заключается в изъятии фигуры царя, вследствие чего акцент смещается, и закон в Библии свидетельствует не только о проявлении божественной воли, но и о воплощении этой воли непосредственно самим Богом без посредника в лице правителя.

Обращаясь к библейским контекстам, созвучным клинописным источникам,¹³ необходимо иметь в виду принципиально разные задачи, стоявшие перед одними и другими, а именно: нравственно-моральную направленность библейских текстов (нравственные максимы), с одной стороны, и общественно-правовое назначение клинописного законодательства с другой.

Писаное право ДБВ в виде обширных сводов законов, по всей видимости, предназначалось судам в качестве практического руководства и давало основные ориентиры для судей при рассмотрении

конкретных дел, в том числе и в отношении амплитуды материальных взысканий в случае определенных видов преступлений. Этим практическим назначением объясняются содержащиеся в древневосточных законодательствах детальные реестры материальных взысканий за телесные повреждения, включая пощечину и травмирование беременной, вызвавшее преждевременные роды или выкидыш. Эти реестры содержатся практически во всех сводах клинописных законодательств. Причем в ЗХ они следуют за так называемыми талионовскими формулировками, касающимися полноправных общинников (*авилумов*).

Талион в ЗХ ни в коей мере не свидетельствует о низком уровне социально-правового развития или о недостаточном уровне развития государственности в старовавилонский период. Как убедительно показал Р. Вестбрук, в отсутствие метаязыка, но при наличии четко установленного размера материального взыскания за каждое телесное повреждение, а также за непредумышленное убийство выглядящая архаичной талионовская формулировка в ЗХ на деле индизонсказательно указывает на вполне определенный размер материального взыскания, сумма которого напрямую зафиксирована, например, в законах из Эшнунны, практически синхронных ЗХ.¹⁴ Так, наказание за повреждение глаза, зуба или кости авилума (полноправного общинника) в ЗХ сформулировано в форме пресловутого талиона (т. е. карается как будто бы аналогичным повреждением), а в законах из Эшнунны и хеттских законах — в форме денежной компенсации. То же преступление по отношению к менее состоятельному сословию мушкенумов, по ЗХ, сходным образом карается денежной компенсацией в размере 1 мины серебра (= 60 сиклей, т. е. ок. 480 г), а в случае непреднамеренного убийства авилума — ½ мины.

В Библии талион трансформируется в декларацию божественного правосудия, поэтому ни в каких реестрах, разумеется, нет уже никакой надобности. Неоднократно отмечалось, что «Бог Израиля всегда предпочитает действовать по талиону», и подчеркивает¹⁵, что талион, к которому прибегает Бог, — это нередко литературный прием, символизирующий неотвратимость божественного воздаяния.¹⁵ Именно в этом заключается смысл манифестации, венча-

ющей талионовскую формулу в Лев. 24:17—22: «ибо Я Яхве (Господь), Бог ваш». Принцип равноценности как абсолютной справедливости подчеркнут здесь тем, что талионовская формула сопровождается даже случай убийства животного (Лев. 24: 17—18).¹⁶

Декларация божественного правосудия красноречиво подчеркнута талионовской формулой и в 19-й главе Кн. Второзакония, где речь идет о лжесвидетеле.¹⁷ Это место — наглядный пример использования так называемой талионовской формулы в качестве риторической фигуры, свидетельствующей о непосредственном участии божественной воли.

Упомянувшийся выше пролог ЗХ хорошо иллюстрирует то, что царская власть на ДБВ представлялась воплощением божественной воли, милостивым божественным даром людям с целью поддержания правильного порядка вещей. Возведенный в абсолют, «обожествленный» принцип равноценного воздаяния в дальнейшем несомненно внес свою лепту и в развитие учения о загробном воздаянии каждому по делам его, коль скоро это недостижимо в этом мире. Впрочем, как говорится, это уже совсем другая история.

Концепция истории. В 1939 г. Т. Якобсен публикует шумерский текст, названный им «Шумерским царским списком» (далее: ШЦС). Этот текст, составленный в государстве III династии г. Ура (2112—2002 гг. до н. э.), может рассматриваться как своего рода древнейшее историческое сочинение. В нем последовательно перечисляются цари и указывается продолжительность их правления. Согласно ШЦС, сценарий истории выглядит следующим образом. В начале времен царственность (шум. *nam-lugal*) спустилась с неба. Далее царственность переходила от одного шумерского города к другому, реализовываясь в каждом из городов в виде последовательности правящих династий.¹⁸ Идея правления в первую очередь городов, а уже отсюда — царей настолько сильна, что позволила некоторым ученым называть этот источник даже не царским списком («the Sumerian King List»), а списком городов («the Sumerian City List»).¹⁹ Впоследствии были опубликованы другие редакции и версии этого знаменитого клинописного памятника.²⁰ Согласно версии ШЦС, опубликованной Т. Якобсеном и получившей наибольшую извест-

ность,²¹ циркулирование царственности прерывается Великим потопом. В преддверии Потопа царственность, судя по логике дальнейшего изложения, возвращается на небо. По окончании Потопа все начинается заново в том смысле, что царственность снова спускается на землю и надолго остается в Кише.

Обнаруженные позже другие версии ШЦС дали ученым основание предположить, что в своем первоначальном виде он начинался именно с момента нисхождения царственности в город Киш, а следовательно, его первоначальная редакция, по всей вероятности, восходила к традиции династии Аккада²² — и лишь позже был дополнен мифологической «допотопной» частью.²³ В противоположность легендарным допотопным царям,²⁴ которых характеризует фантастическая продолжительность правления,²⁵ целый ряд послепотопных правителей — это реальные личности с вполне человеческой продолжительностью жизни, историчность которых имеет документальное подтверждение, благодаря дошедшим до нас надписям так называемых Второго и Третьего этапов Раннединастического периода, РД II—III (ок. 2600—2300 гг. до н. э.), в которых эти шумерские правители упоминаются. Последним же «допотопным» царем указан Зиусудра, царь г.Шуруппака, известный как герой древнейшей литературной версии сказания о Потопе. Напомню о ней в нескольких словах.

В 1914 г. Арно Пёбель опубликовал сохранившуюся лишь на треть шумерскую табличку из Ниппурской коллекции Музея Пенсильванского университета в Филадельфии, датируемую концом III тыс. до н. э., которую образно иногда называют «Бытие (точнее: Происхождение) от Эриду» (англ. the Eridu Genesis). В ней, судя по всему, излагалась история человечества от сотворения людей к возникновению царской власти и основанию, по крайней мере, пяти городов.²⁶ Ее кульминационным моментом изображается Потоп, а героем Потопа — богобоязненный царь по имени Зиусудра,²⁷ во всех своих делах руководствовавшийся указаниями, полученными от богов в сновидениях и предсказаниях. Сохранившийся фрагмент Ниппурской таблички в основном посвящен как раз Потопу. Преемником шумерского предания можно назвать аккадское эпическое сказание об Атрахасисе, герое аккадоязычной версии сказания об исто-

рии человечества и Потопе. Три древнейшие таблички с эпосом об Атрахасисе относятся к старовавилонскому периоду (прибл. 1700 г. до н. э.). Сказание о Потопе включено и в окончательную редакцию эпоса о Гильгамеше,²⁸ где человека, отнюдь уже не царя, который пережил глобальный катаклизм и получил от богов бессмертие, зовут Ута-напишти.²⁹

Различные версии и редакции ШЦС отражали политическую конъюнктуру: с его помощью составители и редакторы обосновывали право на власть того или иного правителя (династии) и притязания на гегемонию того или иного шумерского города.³⁰ Позднейшее добавление допотопной части шумерологов и ассириологов, надо сказать, занимает мало. Для нашей же темы помещение Потопа в ход истории имеет как раз принципиальное значение.

Итак, в древнейшей месопотамской историософской композиции — позволим себе так называть ШЦС — Потоп оказывается в буквальном смысле водоразделом, который делит историю на две части — допотопную и послепотопную, историю, в целом представляемую в виде последовательности правлений, обусловленной переходом царственности от города к городу. При этом благодаря помещению Потопа в исторический континуум получается, что циркулирование царственности происходит не только, так сказать, по горизонтали из города в город, но и по вертикали по маршруту: небо—земля—небо—Потоп—небо—земля. Потоп прерывает, но бесповоротно не уничтожает установленный порядок: после окончания Потопа царственность снова возвращается на землю.

Изложение истории, особенно о далеком прошлом, для древних имело, в сущности, политический смысл. Как месопотамское, так и библейское подобие историософии, по всей видимости, возникает как насущно необходимое осмысление драматических, переломных изменений в той или иной политической реальности: как правило, крах некогда значительных (или представлявшихся значительными) государственных образований.³¹ Это для нас, сегодняшних, та политическая реальность — история, к тому же история глубокой древности.

Древняя Месопотамия не знает собственно теоретических сочинений, как нет теории и в Библии в том смысле, что нет метаязыка,

т. е. языка абстрактных формулировок, которые бы излагали общие схемы, обобщающие опыт.³² Именно поэтому правовой опыт фиксируется в форме перечисления случаев, создавая в общем-то ложное впечатление казусного права, а исторический опыт изложен в форме простого перечня городов, правителей и чисел. Научный мета-язык — это, бесспорно, завоевание античности. Однако даже самые ранние письменные памятники ДБВ показывают присутствие определенных представлений об историческом процессе, и это понятно, так как эти представления неразрывно связаны с представлениями о таких основополагающих вещах, как роль божества и роль человека. Уже в таком раннем памятнике, как ШЦС, можно усмотреть отражение двух основных тенденций в понимании истории: история как цикличность и история как линейность.³³

Понимание истории как цикличности могло, вероятно, вытекать из представления о том, что смене очередности богов наверху соответствует смена очередности городов, принадлежащих этим богам на земле. Есть основания предполагать, что в Шумере изначально отсутствовал в качестве обязательного принцип наследственной передачи власти, поскольку основополагающим было представление о том, что правители назначаются богами.³⁴ В понимании истории как линейности, когда есть начальная точка, из которой последовательно движется процесс в одном направлении, можно усмотреть связь с представлением о передаче власти по наследству от отца к сыну³⁵ — принцип, который, как можно предположить, впервые в Месопотамии отчетливо демонстрирует династия Саргона Аккадского (прибл. 2310—2160 гг. до н. э.).³⁶

По всей видимости, первоначальный вариант ШЦС — циклический, а более поздний — линейный. Характер линейности придает ему включение поворотной точки, из которой разворачивается дальнейший процесс. Эта поворотная точка — Потоп.

Библейская концепция, по сути, строится на тех же идеях. Причем, памятуя о двух богословских течениях, нашедших отражение в Пятикнижии, — жреческом и девтерономическом — кажется логичным предположение, что жреческий (ритуализованный) подход к истории должен был быть циклическим, а девтерономический (эсхатологический) — линейным.

Так, с одной стороны, возобновление завета Бога с человечеством в лице Ноя и его сыновей практически дословно повторяет первоначальный завет Бога с человеком, т. е. с Адамом.

Бытие гл. 1

«⁽²⁷⁾И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его — мужчиной и женщиной сотворил их. ²⁸И благословил их Бог и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею; и управляйте рыбами морскими...»

Бытие гл. 9

«⁽¹⁾Бог благословил Ноя и его сыновей и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю! ⁽²⁾Трепет и страх (перед) вами да будет у всего живого на земле и всех птиц! Все, что ползает по земле, и все рыбы отданы в ваше распоряжение».

Так воплощается идея цикличности. С другой стороны, история от Сотворения мира через Потоп — линейна и однонаправленна, и пути назад нет. Например, отныне срок жизни человека строго ограничен ста двадцатью годами (Ной как переходное звено — последний, скажем так, мега-долгожитель — 950 лет).³⁷ Осознание необратимости хода истории звучит и в раздумьях самого Господа:

Бытие гл. 8

«⁽²¹⁾Господь вдохнул приятный запах и сказал себе: Не буду Я больше проклинать землю из-за человека, ибо образ мысли человека дурен у него сызмальства. Не буду Я больше уничтожать ничего живое, как Я сделал».

Заключение

Логично полагать, что если в культуре есть некое понятие, то и в языке будет ему название, подобно тому как в самом языке если есть грамматическая категория, то она имеет регулярный способ выражения.

В Ветхом Завете обнаруживается лексема, отражающая некое представление об историческом континууме. Это производное существительное от каузатива глагола *YLD* 'рожать' *tōledōt (засвидетельствованное только в форме изафета множ. ч. *tōlādōt*), т. е. дословно — 'порождения, родословие'. Употребляется это слово, прежде всего, для обозначения человека вместе с его потомками.

Отсюда это слово могло оказываться зачином повествования о человеке и его детях, как это и происходит в преамбуле к Истории Иосифа (Быт. 37—50).

Бытие гл. 37

«⁽²⁾ Вот „родословие“ (*tōlādōt*) Иакова: Иосиф семнадцати лет от роду пас стадо со своими братьями, будучи подпаском (*na'ar*) при сыновьях Валлы и Зелфы, жен своего отца...» (т. е. скорее: «Вот история Иакова» либо даже «Вот продолжение истории Иакова»).

Любопытно, что словари современного иврита среди значений лексемы *tōlādōt так и указывают — ‘история’, вполне возможно опираясь, к примеру, на следующий библейский контекст:

Бытие гл. 5

«⁽¹⁾ Вот свиток родословия человека (*tōlādōt 'ādām*), когда сотворил Бог человека: по подобию Бога создал его, ⁽²⁾мужчиной и женщиной сотворил их. ⁽³⁾Было Адаму 130 лет, когда породил (сына) по подобию и образу своему и нарек ему имя Сиф...» (т. е., собственно, «Вот свиток истории человека»).

Единственное употребление этого термина вне связи с человеком содержится в истории Сотворения, где словосочетание *tōlādōt haššāmayim wə-hā'ārās* — досл. «родословие неба и земли», по сути, приобретает значение «история/предыстория мира».

Бытие гл. 2

«⁽⁴⁾Вот родословие неба и земли (*tōlādōt haššāmayim wə-hā'ārās*) при их сотворении: когда создал Господь Бог землю и небо, ⁽⁵⁾Не было еще никаких кустарников на свете (*hā'ārās*), и не цвели никакие растения, потому что Господь Бог не дал дождю пролиться на свете (*hā'ārās*), да и не было человека, чтобы обрабатывать землю (*hā'dāmā*)».

Резюмируя, можно, по-видимому, говорить о появлении уже в ранней древности двух подходов к пониманию истории. Эти две мировоззренческие установки продолжали сосуществовать на всем протяжении истории ДБВ. Спустя тысячелетия взаимодействие цикличности и линейности в истории было осмыслено европейской философией как диалектическое движение по спирали. Истоки этой

идеи, как и многих других, мы находим в глубокой древности благодаря сохранившимся письменным памятникам ДВВ, к которым относится как длительная, тысячелетняя клинописная традиция, так и стремительно — по меркам истории — возведенное на этом фундаменте Священное Писание.

Примечания

¹ Примечательно, что расцвет научно-исследовательской работы М. Нота пришелся на разгар нацизма и Второй мировой войны: в 1930—1945 гг. М. Нот был профессором университета в Кенингсберге; первая эпохальная публикация по теме Девтерономиста и девтерономической истории выходит в 1943 г. Вот лишь некоторые работы: *Noth. M.* 1) *Das System der zwölf Stämme Israels* (1930); 2) *Die Gesetze im Pentateuch* (1940); 3) *Überlieferungsgeschichtliche Studien* (1943; 2. Aufl. 1957); 4) *Überlieferungsgeschichte des Pentateuch* (1948).

² Введение в Ветхий Завет / Под ред. Э. Ценгера. М., 2008. С. 95—96.

³ Там же.

⁴ Исх. 21:24; Лев. 24:20 («Кодекс святости» как часть «Священнического кодекса»); Втор. 19:21.

⁵ Асс — римск. фунт (libra) = 327 г, а также архаич. римск. денежная единица, девальвировавшая к I в. до н. э.

⁶ Детальный перечень с предписываемым в каждом случае взысканием содержится в Законах Ур-Намму (2112—2095 гг. до н. э., г. Ур), Законах из г. Эшнунна (ок. 1770 г. до н. э.), Законах Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э., г. Вавилон), Хеттских законах (XVI—XIII вв. до н. э.).

⁷ Законы Липит Иштара (1934—1923 гг. до н. э., г. Исин), Законы Хаммурапи, Среднеассирийские законы (XIV—XI в. до н. э., г. Ашшур).

⁸ Законы Ур-Намму, Липит-Иштара, Законы Хаммурапи, Среднеассирийские законы.

⁹ XXIV R=XL 59 *dan-nu-um en-ša-am* 60 *a-na la ha-ba-lim* 61 NU.ŠÍK (*ekīm*) NU.MU.SU (*almattim*) 62 *šu-te-šu-rim*

¹⁰ Пер. В. К.Афанасьевой в кн.: Крамер С. История начинается в Шумере. 2-е изд. М., 1991. С. 96.

¹¹ Там же. С. 156.

¹² V 14 *i-nu-ma* 15 ^dAMAR.UTU 16 *a-na šu-te-šu-ur ni-ši* 17 KALAM *ú-si-im* 18 *šu-hu-zi-im* 19 *ú-wa-ra-an-ni* 20 *ki-it-tam* 21 *ú-mi-ša-ra-am* 22 *i-na KA ma-tim* 23 *a-š-ku-un* 24 *ši-ir ni-ši ú-ṭi-ib* 25 *i-nu-mi-šu*

¹³ Благодаря этому библейские тексты порой могут дать ключ к пониманию древневосточных законодательных памятников (как и наоборот). Так, именно

в Библии распространеннейший на Древнем Востоке правовой сюжет о наказании нерадивого хозяина бодливого быка дошел в наиболее развернутом изложении (Исх. 21:29-30).

¹⁴ Концепция Р. Вестбрука подробно изложена в гл. 2 книги: *Westbrook R. Studies in Biblical and Cuneiform law*. Paris, 1988. Она названа автором «системой мщения и выкупа» (the revenge and ransom system), или более развернуто — «система викарной мести, выкупа и фиксированных выплат / штрафов» (vicarious revenge, ransom (in lieu of revenge — вместо мести) and fixed payments). Согласно этой концепции, талион — это всего лишь составляющая системы мщения и выкупа, механизм ограничения мести, и в случае серьезного увечья мщение или выкуп — это выбор пострадавшего (или его ближайшего родственника-мстителя). Смысл талиона — ограничить мщение соразмерным увечьем и тем самым косвенно ограничить размер выкупа, который может быть потребован пострадавшей стороной. Сопоставление ЗХ с практически синхронными им Законами из Эшнунны позволяет выявить реестр материальных взысканий за увечья. По мнению Р. Вестбрука, кажущееся различие между Законами из Эшнунны и ЗХ объясняется тем, что каждый из этих памятников, отражая одну и ту же систему наказаний, напрямую фиксирует только одну из ее сторон, оставляя другую в подтексте. Так, в Законах из Эшнунны сумма возможного выкупа за увечье авилума зафиксирована напрямую, а в ЗХ — иносказательно.

¹⁵ *Milgrom J. Leviticus 23—27: a new translation with introduction and commentary // The Anchor Bible*. New York, 2000 (особенно с. 2134).

¹⁶ «⁽¹⁷⁾И всякий, если покусится на жизнь человека, непременно должен быть предан смерти. ⁽¹⁸⁾И покусившийся на жизнь домашнего животного должен возместить его — жизнь за жизнь. ⁽¹⁹⁾И всякий, если причинит увечье равному себе, как он сделал, так и ему следует сделать: ⁽²⁰⁾Перелом за перелом, глаз за глаз, зуб за зуб. Какое (некто) причинит увечье человеку, так должно воздаться ему. ⁽²¹⁾Покусившийся на животное должен возместить его, покусившийся на человека должен быть предан смерти. ⁽²²⁾Одинаковый суд должен быть у вас: каким для пришлого, таким и для местного он должен быть, ибо Я Яхве (Господь), Бог ваш».

¹⁷ «⁽¹⁵⁾Не должен быть один свидетель против кого-либо в связи со всяким преступлением, со всякой виной, против всякого прегрешения, которое он совершит: при двух или трех свидетелях должно проходить дело <...> ⁽¹⁸⁾Судьи должны хорошенько дознаваться, и если окажется, что этот свидетель — лжесвидетель: он ложно обвинил своего собрата, ⁽¹⁹⁾Поступите с ним так, как он замыслил поступить со своим собратом, чтобы выжечь это зло из своей среды. ⁽²⁰⁾А остальные пусть слышат и видят и не творят больше подобное зло в твоей среде! ⁽²¹⁾И не сожалей [досл. «пусть не сожалеет глаз твой»] — жизнь за жизнь, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу».

¹⁸ Об условности термина «династия», широко употребляемого в историографии истории древней Месопотамии по отношению к Раннединастическому периоду, см.: История Древнего Востока / Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1983. Ч. 1. С. 163 (примеч.). Об условности перевода шумерского понятия *bala* как «династия» пишет Ж. Гласснер, который считает предпочтительным перевод «очередность»: «“cycle” would be preferable, allowing a distinction between family cycle and local cycle. The same local cycle may embrace several family cycles, and, conversely, family cycle and local cycle may be the same. The unfolding of history could be represented as a series of cycles, each self-contained. These cycles succeeded one another according to a definite order and lasted for their allotted time, until the cities that were home to them were “conquered”, “destroyed”, or “abandoned”» (*Glassner J.-J. Mesopotamian chronicles* / Ed. B. Foster. Atlanta, 2004. P. 65).

¹⁹ *Hallo W. W. Antediluvian cities* // *Journal of Cuneiform Studies*. 1970. V. 23. N. 3. P. 57—67 (p. 66).

²⁰ Среди немалого числа публикаций по этому вопросу: *Wilcke C. Genealogical and Geographical thought in the Sumerian King List* // *Fs. A. Sjöberg*. 1989. P. 557—571; *Klein J. A new Nippur duplicate of the Sumerian Kinglist in the Brockmon Collection, University of Haifa* // *Studies in honor of M. Civil. Aula Orientalis* / Ed. by P. Michalowski et al. Barcelona, 1991. Vol. 9. P. 123—129; *Steinkeller P. An Ur III Manuscript of the Sumerian King List (USKL)* // *Literature, Politik und Recht in Mesopotamien: Festschrift für C. Wilcke* / Herausg. W. Sallaberger, K. Volk, A. Zgoll. Wiesbaden, 2003. P. 267—288.

²¹ См. интернет-ресурс «The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature, Oxford University»: <<http://www-etcsl.orient.ox.ac.uk>>.

²² *Steinkeller P. An Ur III Manuscript...* P. 282—285. «... only one possible agency for whom USKL's vision of history past would have been an acceptable one: the dynasty of Akkade. Sargon and his followers would, in fact, have had an obvious interest in promoting the idea that Kiš remained the seat of kingship from time immemorial down to Sargon's own day. In such a scheme of history, Akkade became a natural heir and successor to Kiš, with the brief period of the Urukian domination <...> representing but an aberration from the normal state of affairs. That Sargon and his followers believed their dynasty and state to be a direct extension and continuation of the Pre-Sargonic Kišite kingdom is too well known...» (*Ibid.* P. 282).

²³ «The Sumerian King List, known from copies c. 2100—1600 BCE, in some copies begins with from eight to ten long-reigning kings following the institution of kingship by the gods, and culminating in the Flood. This antediluvian section was originally a separate list, lacking in a late third-millennium copy (c. 2100—2000 BCE) and from some early second-millennium copies. However, the form with the prefixed antediluvian section became the norm, and was copied out so that we know it from a late Assyrian copy (c. 750—650 BCE) and in Greek from Berossus, a Babylonian priest c. 300 BCE. The post-diluvian kings were originally Sumerian rulers, but as the list was copied out over the centuries, the Babylonian kings were added on until at least the earlier part of first millennium BCE» (*Lambert W. G. Ancient Near Eastern*

studies: Mesopotamia // The Oxford Handbook of Biblical Studies / Ed.: J. W. Rogerson, J. M. Lieu. Oxf. Univ. Press, 2006. P. 78).

²⁴ Среди богатейшей клинописной литературы было обнаружено некое любопытное произведение, которое на первом этапе его изучения приняли за поэму об этих самых допотопных правителях, должителях незапамятной старины (*Alster B., Jeyes U. A Sumerian Poem about Early Rulers // Acta Sumerologica. 1986. N 8. P. 1—11*). Это произведение, дошедшее в копиях из г. Сиппара старовавилонского периода (на шумерском языке), а также из Угарита и Эмара (шумеро-аккадские билингвы), было впоследствии атрибутировано как застольная песнь. Перечисление должителей старины служит в ней преамбулой к выводу о том, что бессмысленно сожалеть о безвозвратном прошлом, а лучше наслаждаться сиюминутным настоящим с помощью богини пива (*Alster B. The Sumerian Poem of Early Rulers and Related Poems // Orientalia Lovanensia Periodica. Leuven, 1990. N 21. P. 5—25*).

²⁵ Вплоть до 43 200 лет (!); долгожительство поколения библейских допотопных людей, конечно, не идет с этим ни в какое сравнение (Мафусаил — 969 лет, Адам — 930 лет).

²⁶ Эриду, Бад-тибира, Ларак, Сиппар и Шуруппак.

²⁷ Вавилонский историк, жрец бога Мардука Берос (ок. 275 г. до н. э.), упоминает героя Потопа по имени Ксисутр (явный отголосок шумерского Зиусудры). Об этом пишет Евсевий, ссылаясь на некоего Абидена (на авторитет Бероса неоднократно ссылается Иосиф Флавий).

²⁸ Окончательная редакция, так называемый «Стандартный вавилонский эпос» (*Standard Babylonian epic*), или «ниневийская» версия, по первой строке называвшаяся в древности *ša naqba'i itiri* «Тот, кто видел исток(и)», состоит из 12 таблиц и датируется VIII—VII вв. до н. э. Значительная часть списков (34 или 35 из 73) происходит из библиотек ассирийского царя Ашшурбанипала (правил в 668—627 гг. до н. э.) в Ниневии (соврем. Кюнджик). Гильгамеш (исторический Бильгамес) — шумерский правитель I династии г. Урука (соврем. г. Варка, Ирак), конец XXVII в. до н. э. Фрагменты шумерского текста сказаний о герое Гильгамеше датируются концом III тыс. до н. э., к тому же времени относятся древнейшие сохранившиеся записи аккадской версии поэмы. От II тыс. до н. э. из Сиро-Палестинского региона (Угарит, соврем. Рас-Шамра, Эмар, соврем. Тель-Мескене — Сирия) и Малой Азии дошли отрывки «периферийной» аккадской версии, а также фрагменты ее переводов на хурритский и хеттский языки.

²⁹ Такая форма на сегодняшний день представляется более корректной и обоснованной, чем произношение имени как Утнапиштим (см.: «*Ūta-napišti, son of Ubār-tutu*» // *George A. R. The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, critical edition and cuneiform texts. Oxf. Univ. Press, 2003. V. 1—2. P. 152—155*).

³⁰ Об этом, например: *Wilcke C. Genealogical and Geographical... P. 558; Steinkeller P. An Ur III Manuscript... P. 282, 285.*

³¹ Об этом, например: *Steinkeller P. An Ur III Manuscript... P. 285.*

³² И. Р. Тантлевский отмечает, «что встречающиеся в книге *Бытия* древне-месопотамские терминологические и сюжетные параллели наполняются здесь принципиально новым теологическим и концептуальным содержанием. Обращение же к мифологическому языку и сюжетам в начальных главах *Бытия* оказывается неизбежным, ибо только в этих формах и понятиях и было возможно в ту эпоху выразить космогенетические и антропогенетические идеи и рассказать о событиях предыстории человечества» (*Тантлевский И. Р. История Израиля и Иудеи до разрушения Первого храма*. СПб., 2005. С. 246).

³³ «USKL's vision of history is dramatically different from that offered by SKL. As is well known, SKL sees the past as a chain of recurring cycles (bala), with the kingship circulating among a number of cities, all the way back to the moment it had first descended from heaven. In contrast, USKL organizes events in an unmistakably linear fashion: after kingship had descended from heaven in time immemorial, it remained for thousands and thousands of years in Kiš down to Sargon's very day, first through the fantastically long reigns of Kiš's semi-divine eponyms <...>, and then through a series of „normal“ reigns...» (*Steinkeller P. An Ur III Manuscript... P. 285*).

³⁴ «The most striking thing about the Sumerians <...> is the lack of evidence that belonging to a particular family qualified a man for rulership. Son often succeeded father, but this seems to have reflected more a trait of human nature than to have been the result of a theory of kingship. Perhaps the ideal of the Sumerian city ruler as a kind of farm bailiff for the god or goddess of the city prevented the growth of prestige around the person of the ruler. A royal hymn of Ur-Nammu, king of Ur toward the end of the Third Millennium B.C., uses the phrase 'seed of lordship' of this king, but <...> ordinary family connections are not meant <...> Ur-Nammu was thus marked out as king from his birth, but it was birth from his divine mother Ninsun, mother of Gilgameš, not the line of his human parents, that established him as „seed of lordship“» (*Lambert W. G. The Seed of Kingship // P. Garelli (ed.). Le Palais et la royauté*. CRRAI 19. Paris, 1974. P. 426—434 (P. 426—427)).

В определенном смысле полемизируя с У. Ламбертом, К. Вильке тем не менее делает такие замечания, которые как раз и свидетельствуют о том, что высказываемая шумерскими правителями идея наследственной преемственности по существу имеет все ту же божественную подоплеку: «Stepping just outside the circle of the Third Dynasty of Ur, we see Pirigme and Gudea of Lagaš claiming Ninsun as their divine mother. <...> In introducing Lugalbanda as his divine father, Šulgi no longer links his rule to the descent from his ancestral mother alone, but to that from a male ancestor who was a king of Uruk, too. <...> neither Šulgi nor any of his successors on the throne of Ur ever claim descent from their fathers in the flesh» (*Wilcke C. Op.cit. P. 566*).

³⁵ «It would appear that the Hebrew author or authors used traditions of Mesopotamian origin in the early chapters of Genesis, but produced something very different in detail. The Sumer-Babylonian list is of kings, not necessarily father and

son in succession, while Genesis offers a genealogy leading eventually to the Hebrew monarchy of David and his line. For this too there is a parallel of Mesopotamian origin. A Babylonian tablet with ritual content invokes all the ancestors of Ammi-ša-duqa, great-great-grandson of Hammurabi, king of Babylon in the seventeenth century BCE. A total of twenty-eight ancestors is given, the last nine being the well-known kings of the First Dynasty of Babylon, the earlier ones not so far identifiable as historical figures. The First Dynasty of Babylon were Amorites, part of a migration down the Euphrates c. 2000 BCE. <...> Part of this traditional ancestry of the kings of Babylon also survives in the Assyrian King List, a document first attested in the thirteenth century BCE, but regularly updated until the closing days of the Assyrian power. The information it contains after c. 1500 BCE is generally reliable, but the earlier material is a garbled hotchpotch. The section which parallels some of Hammurabi's ancestors is in fact the ancestry of Shamshi-Adad I, king of Assyria c. 1800 BCE, and he was not an Assyrian by descent, but an Amorite who had imposed himself on the Assyrians by force of arms. Thus the Amorites in Mesopotamia in the eighteenth and seventeenth centuries BCE had rulers who professed to be descended from a long traditional ancestry, and this is what is combined with the Sumero-Babylonian tradition of long-reigning kings before the Flood in Genesis». (*Lambert W. G. Ancient Near Eastern studies: Mesopotamia. P. 78—79.*)

³⁶ По поводу расхождений в датировках правления Аккадской династии см. в кн.: *Westenholz J. G. Legends of the Kings of Akkade. Eisenbrauns, 1997.*

³⁷ Большая продолжительность жизни патриархов Авраама (175 лет), Исаака (180 лет) и Иакова (147 лет) не кажется противоречащей этому установлению, а, напротив, указывает на особое место, отводимое повествователем избранным родоначальникам народа Израиля.

A. V. Nemirovskaya

Law and history in Mesopotamian and Biblical tradition

The Bible transformed pragmatic experience embedded in traditions of the Ancient Near East, either legal or historical (better to say, political), into an abstract composition of the impressive divine plan. The Pentateuch was composed as a study of history and law (E. Zenger). Thus, it seems quite natural that among lots of Mesopotamian and Biblical parallels most close are two, namely, legislation and the Flood. The latter plays a key role in the biblical scenario of history but also a significant one in historical thought of ancient Mesopotamia (cf. the Sumerian King List). The article deals with the two concepts of the Pentateuch, law and history, whose origins are commonly believed to be found in ancient Mesopotamian culture.